

СЛАВА Дюма-отца в середине XIX века была чрезвычайной. Он был желанным гостем при любом дворе, однако Николай I, самодержец России, запретил знаменитому писателю въезд в империю. Царь не мог простить ему роман «Записки учителя фехтования», в котором Дюма описал историю любви декабриста Ивана Анненкова и юной французской модистки Полины Гебль, следовавшей за своим любимым в сибирскую ссылку, где они и обвенчались. Роман «Записки учителя фехтования» оставался в списке запрещенных в России книг до конца XIX века.

А между тем интерес к России во Франции был огромен. О России писали Проспер Мери́ме, Эжен Сю, Оноре де Бальзак. Дюма, с его неуемным интересом к жизни, мечтал увидеть своими глазами великую и во многом непонятную для него страну. И вот fortuna, наконец, улыбнулась писателю. Венценосный жандарм Европы Николай I ушел со сцены (царь умер в 1855 году). Русские друзья помогают знаменитому французскому романисту в организации путешествия по «великой северной стране», как выражались французы.

В июне 1858 года Дюма — в России. Его путь лежит в Петербург, а оттуда через Москву — в Тамбов, Нижний Новгород, Царицын, Астрахань, Кизляр, Червленую, Темир-Хан-Шуру, Дербент, Шемаху, Баку, Тифлис, Батум, Поти.

Путешествие автора «Трех мушкетеров» по России было знаменательным событием в культурной жизни того времени. Вместе с тем третье отделение жандармов не преминуло установить за писателем негласное наблюдение и даже завело «дело» об учреждении надзора за А. Дюма-отцом.

Путешествие по России, куда Дюма стремился давно, могло само по себе стать приключенческим романом, тем более что в Россию французский романист включал неизвестный тогда Европе «дикий» Кавказ.

Читателям своего журнала «Монте-Кристо», главным, а порою и единственным автором которого был сам Дюма, в номере от 17 июня 1858 года он посулил в скором времени описать Петербург с его белыми ночами, Москву «с колоколом весом в 330 000 фунтов», Нижний Новгород с купцами из Персии и Индии, и еще обещал своим поклонникам, что подведет их «к скале, к которой был прикован Прометей», и вместе с читателями посетит «стан Шамиля».

Кавказ для Дюма — это не только романтическая страна с яркими картинками восточной экзотики в одежде и поведении горцев. Кавказ для него — это прежде всего величественная природа. Он регулярно за-

Далекое — близкое

ПУТЕШЕСТВИЕ К СКАЛЕ ПРОМЕТЕЯ

писывает в путевой дневник свои впечатления:

«Солнце... разорвало жаркие лучами предутреннюю мглу; легкая дымка распалась на широкие сероватые шарфы, с каждым мгновением становившиеся все более незримыми и неосознаваемыми, и сквозь их воздушный узор обозначались четкие, циклопические силуэты. ...Казбек, поэтический эшафот Прометея, застыл, подставив снежную голову бездонному небу.

На мгновение мы лишились дара речи перед этой удивительной панорамой: это не было похоже ни на Альпы, ни на Пиренеи, ни на что-либо некогда виденное нами; казалось, что представить это не в состоянии ни одно, даже самое изысканное воображение. Это был Кавказ...»

Спутник Дюма, художник Жан-Пьер Муанс, которого писатель взял с собой в путешествие для того, чтобы тот подготовил иллюстрации к путевым запискам, шаг в шаг следует за своим мэтром. (В Москве, в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, есть некоторые рисунки и наброски Муане).

Дюма жадно вглядывается в лица горцев, восхищается их осянкой и костюмами: «Наряд горца весьма живописен и не лишен некоторого шика. Он состоит из черной или белой папахи, черески с двумя рядами ружейных гильз на груди, широких, схваченных у коленей штанов, узких гамашей и красных или желтых сапог. Эту картину довершает бурна — нечто вроде шубы, служащей не только защитой от снега и дождя, но и оберегающей от пуль... Хорошая бурна — большая ценность. Особенно, когда она сделана в Ленкорани — ИЗ ПЕРЬЕВ ПЕЛИКАНА».

Что это? Прием для забавы своих читателей? В записках Дюма по Кавказу, признаюсь, немало подобных курьезов. Так, описывая прием у тамбовского губернатора, Дюма отмечает, что его якобы угощали чаем в саду под сенью «развесистого клюквенного дерева». Отсюда, кажется, и пошла «развесистая клюква». Впрочем, кого из писателей столь эмоционального склада не подводило порой собственное воображение!

Вместе с тем знаменитый романист опытным взглядом подмечает немало реалистических деталей. Подробно описывает он Червленую, восхищается красотой женщин этой чечено-ингушской станицы. В Дагестане Дюма задержался. Он с нетерпением ждал встречи с Дербентом. Ведь 30 лет назад здесь служил декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, о котором Дюма был столько наслышан. В Дербенте Дюма пересказали повесть Марлинского «Аммалат-Бек» — о любви горской девушки Салтанеты и юноши Аммалата. Дюма так захватил сюжет, что он дал себе слово по возвращении в Париж написать роман «Салтанета». Роман с таким названием был написан и опубликован.

В своих путевых очерках Дюма использует многие статьи Бестужева о Дагестане: «Прощание с Каспием», «Письма о Великой Кавказской стене» и другие.

В начале декабря 1858 года Александр Дюма со своими спутниками прибывает в Тифлис. Он в восторге от живописной природы Грузии, ее гордого и красивого народа.

«Грузия — это Галатhea в мраморе, Грузия — это Галатhea уже живая и еще более

прекрасная», — записывает он в дневнике.

Дюма был немало удивлен, когда встретил в Тифлисе модниц-грузинок, одетых по последним парижским фасонам. Он был вовлечен в спор о пользе и вреде только что привезенных из Франции корсетов. Журналисты заставили его написать заметку по этому поводу в местный журнал «Цицкари» («Заря»). Французский путешественник записывает: «Вся редакция в полном составе пришла пригласить меня на грузинский обед». Далее он пишет: «Если в Тифлисе знают, что такое корсет из Парижа, я сомневаюсь, чтобы в Париже знали, что значит обедать в Тифлисе». Уже при входе в обеденный зал писателя поразила громадный кувшин, похожий на кувшины, в которых прятались сказочные разбойники Али-бабы. Он подумал, что в такой сосуд входит не менее ста бутылок вина, и пришел в ужас, ибо гостей было не более дюжины. На полу был расстелен громадный ковер, а на нем расставлены кушанья. Кроме хозяина — редактора журнала Ивана Кереселидзе, на обеде были другие сотрудники редакции, а также переводчик Пенерепский. Опасения Дюма оправдались — ему пришлось осушить не один бокал великолепного кахетинского. После обеда гостеприимные хозяева вручили писателю мадригал: «Господин Дюма посетил нашу бедную редакцию и за устроенным в его честь обедом пил только грузинское вино».

В Тифлисе Дюма жил в доме на Эриванской площади и часто прогуливался по городу. Ему очень нравилась грузинская национальная одежда — чоха. Писатель решил по возвращении на родину сшить себе такую же. Но как только об этом услышал один из его собеседников-тифлисцев, он с радостью подарил знаменитому француз у свою чоху. Дюма тут же надел чоху, подпоясал поясом с кинжалом и уже не снимал этого наряда до самого отъезда на родину. В этом наряде его и запечатлел местный фотограф. (А рисунок по старому фотоснимку сделал для нашей газеты сочинский художник П. Кукушкин). Из Тифлиса Дюма отправился в Кутаиси, а затем по Риони к нам на Черноморское побережье, в Поти. Из Поти на пароходе «Великий князь Константин» Александр Дюма возвратился во Францию.

В 1861 году в Тифлисе на русском языке вышла книга А. Дюма «Кавказ от Прометея до Шамиля».

Грузинское издательство «Мерани» готовит к печати новое издание записок Дюма, которые не потеряли интереса для читателя и в наше время.

П. ГОЛУБЕВ,
краевед, действительный член Географического общества АН СССР.
Сочи.

г. СОЧИ

15 ИЮН 1983